БОЛЬШАЯ ТЫ МОЯ ЯМСКАЯ...

КАК ВЫГЛЯДЕЛА УЛИЦА ПУШКИНА В ПЕРМИ В СЕРЕДИНЕ ПРОШЛОГО ВЕКА

Я коренной пермяк. Родился на улице Пушкина и тридцать лет прожил на ней. Здесь, как говорится, родился, крестился (хотя, понятно, нас, татар, не крестили), учился, женился... Эта улица избегана, исхожена, исшаркана моими ногами. И эта улица, и прилегающие к ней. На склоне лет я подумал: а многие ли из ныне живущих вспомнят то, что помню я? Ведь история уходит вместе с нами – в смысле становится во многом другой, потому что память нам изменяет со временем

ТЕКСТ: ИСКАНДЕР САДРИЕВ, ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ИСКАНДЕРА САДРИЕВА

Школа 11. Построение колонны на демонстрацию в честь 37-й годовщины Революции, 1954 год.

Когда я работал активным бойцом журналистского цеха, главным было: «Остановись, мгновенье!» Я трудился в газетах «Молодая гвардия», «Звезда», «Досье 02», «Дела сердечные»... Сорок пять лет трудился. И ближе к завершению журналистской карьеры стал больше уважать тех, кто сохраняет нам историю, Память. Не буду повторять трюизмы о важности сохранения памяти. Скажу лишь, что наиболее близкие сердцу моему – те ребята из нашей братии, что Память не только хранят, но и помогают всколыхнуть ее в других. Это, в первую очередь, Владимир Гладышев, Светлана Федотова – низкий им поклон за их подвижничество!

На углу улиц Пушкина и Островского стоит магазин, торгующий коврами. Мне ковры не нужны, но я выхожу здесь из троллейбуса и стою несколько минут. Трогаю дерево – крепкое такое, надежное. Ему почти 65 лет. Почему я так уверенно говорю? Потому что я его сажал, когда мне было семь. Тогда у нас был субботник, и девчата из общежития фабрики «Пермодежда», тут же стоявшего, крикнули мне: «А ну, пацан, помогай!» И я помог. И этот клен стоит, уже пережив, наверное, всех тех девчат. Или почти всех.

Католический храм на углу Большой Ямской (Пушкина) и Соликамской (Горького) был открыт в 1875 году. При костёле действовало общество пособия бедным прихожанам римско-католической церкви. С 1936 г. здание занимал клуб глухонемых, затем, с 1949 г. — отделение Всероссийского общества глухих. В 1994 г. здание было возвращено верующим.

Я стою – и слышу грохот. Это мимо, по улице Островского, проезжает конная телега. Наша Пушкина – грунтовая, а вот Островскую почему-то замостили булыжником. И такой грохот стоит, когда телега проезжает!

Угол Пушкина и Островского. Последний деревянный дом на Пушкина сегодня.

А кто, кстати, на телеге этой едет? Ну да, старьевщик. Он собирает всякие кости и тряпки. Мы к нему бежим с заранее собранной на помойках и свалках добычей. И меняем наше добро – на его. Переводные картинки, какие-то свистульки... Он нас обманывает безбожно, недовешивает, недоплачивает. Но нам много ли надо?

И еще тарахтение по камням. Это уже пацаны на самокатах лихачат. Те, кто не жил в пятидесятые, не знают, что такое самокат тех времен. Две доски, три подшипника – класс! Велосипедов у нас почти не было, редкие родители могли себе позволить нас осчастливить.

Когда-то моя родная улица Пушкина называлась Большой Ямской. Была, говорят, она когда-то и улицей Зиновьева – одного из предводителей большевиков. Это у них был просто бзик такой – изменять исторические имена на свои собственные. Был город Троцк, города Калинин, Загорск (в честь также известного деятеля революции), Ворошиловград, Котовск,

Костел. Это название он носил у нас всегда. Даже когда в его стенах была пуговичная фабрика.

Начало 20 века.

Наши дни.

Фрунзе... О наименованиях в честь Ленина-Сталина я уже молчу. И не то чтобы знаменитый деятель пришел и сказал: «А присвойте-ка мое имя такому-то там городу, поселку или хотя бы улице». Ему это присвоение дарили как подарок. Вот стукнуло Вячеславу Молотову полвека – и Сталин дал указание его именем назвать большой областной центр, то есть нашу с вами Пермь. Лично у меня в метриках местом рождения значится «город Молотов». И кстати, Мотовилиха, присоединенная к бывшей Перми, стала называться Молотовским районом. И появились на карте города Дзержинский, Кагановичский и, конечно, Ленинский районы. И естественно, Сталинский.

Время идет, и политические моды проходят. Вот не стало улиц Кирова, Орджоникидзе, не будет, судя по всему, улицы Розалии Землячки, отживают свое Борчанинова, Хохрякова, как прекратили существование Коммунистическая, Большевистская... Аборигены, конечно, ворчат против переименования привычных мест, но поворчат и перестанут. Привыкли же москвичи и питерцы к возвращению их улицам исконных имен. Тем более что на имена бесспорные никто не покушается. Например, на улицу Пушкина.

Моя Пушкина

Граница двух центральных районов города. Однажды какой-то мудрец придумал поделить Сталинский (позже Свердловский) и Ленинский районы в аккурат по улице Пушкина. Представляете, с той стороны канава, с другой – тоже. И на одной стороне пьяный мужик вырубился. А на этой он еще пока стоял... А тут идут мильтоны (слово «менты» у нас как-то не в ходу было). И что было делать мильтонам? Этого бухаря брать на себя? Они тихо-спокойно брали бедолагу за руки за ноги, переносили через дорогу, и – опа! – это уже проблема другой стороны, Сталинского района.

Пушкина, 83, Первомайская демонстрация, начало 1950-х.

И еще, в чем был непостижим тогда для меня феномен нашей улицы. В так называемые «родительские дни» за два-три квартала от нас сплошной цепью выстраивались нищие, и тянулась эта цепь до кладбища – того, старого, но до 1960 года еще действовавшего (для несведущих: там стоит храм Всех святых, начинается улица Тихая и рядом – автозаправка).

Что еще интересно: нищие стояли в основном на нашей стороне – той, что вела прямиком к тюремному острогу. Раза два в день подъезжали милицейские машины, и всех убогих и сирых забирали и увозили, так как попрошайничество было запрещено. Хотя после войны попрошаек было очень много, одних инвалидов безруких-безногих – не счесть. Они сидели возле магазинов, пели жалостные песни, путешествовали на электричках и вызывали сочувствие у перенесшего войну народа, особенно у женщин, потерявших на войне родных. Моя бабушка, у которой сын без вести пропал в 1942-м, до конца дней своих верила, что ее Бари где-то жив – может, после плена не стал возвращаться домой, зная, что его на Родине ждет новый лагерь. Сталина она так и не простила за бездарно проигранное начало войны и не плакала, как многие, когда он умер.

А нищие, отбыв в «околотке» час-другой, снова возвращались на свои места. И бабушка посылала нас, внуков, подать милостыню этим несчастным...

Сострадание

Вообще, сострадание было очень присуще нашим людям. На нашей Пушкина все время звучала траурная музыка. Мимо нас проходили похоронные процессии, сопровождаемые духовыми оркестрами. И люди выходили из домов, крестились: «Царствие небесное!», а иные сопровождали покойников до места их погребения. Вообще многих, не говоря уже о таких выдающихся усопших, как Герой Советского Союза Зинатулла Исхаков или летчик Сергей Сафонов, погибший при задержании пилота-шпиона из США Гарри Пауэрса.

Кладбище вообще было неизменным атрибутом нашего детства. Никакого страха, ничего мистического по отношению к месту погребения людей мы не испытывали. Гуляли там, слушали многоголосый гомон птичек, разглядывали памятники. Иные для нас были просто в диковину. Смысл этих монументальных надгробий много позже я узнал из книжки Владимира Гладышева «Перми старинное зерцало» (патриоты своего города, почитайте – так много узнаете!).

На входе в старое кладбище, справа, стоит памятник поэту Д`Актилю. Не помните такого, не знаете? А ведь это он написал «Дан приказ: ему на запад, ей в другую сторону». Комсомольцами мы эту песню пели дружным хором, не подозревая, что автор ее – вот он, пройди до его могилы несколько

Родная 11 школа, я учился в ней с 1953 по 1964 год. Тогда имени Горького, ныне имени Дягилева.

Школьники младших классов школы № 11 1954 год

1930 годы.

Наши дни

кварталов. И «Марш энтузиастов» («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!..») тоже написал Д`Актиль, поэт, умерший в Перми в эвакуации. Не всем удалось домой вернуться, как Каверину, Пановой, Улановой, Хачатуряну...

Кладбище для нас было культовым местом. Мы знали все его уголки. Идя в сторону Суханок, расположенных на горе аэродрома, собираясь искупаться в не сильно тогда загаженной Егошихе, мы с любопытством вглядывались в таблички на надгробьях. Так мы открыли для себя саркофаг майора Теплова – чугунное сооружение с едва различимыми барельефами по бокам. Сейчас это место почитания героя войны с Наполеоном, ухоженное и посещаемое. Мы увидели и погребение «Змеи» – так люди называли чугунную, вровень с землей плиту, положенную, по преданию, отцом непокорной дочери – пусть-де люди ногами топчут ее прах. На эту тему, кстати, был написан один из очерков Аркадия Гайдара, когда он работал в «Звезде», но мы тогда их не читали.

И то, что возвышалось над этими «артефактами». Храм Покрова Богородицы. Мерзость и запустение – вот что являлось взору «всяк, пришедшего сюда». Загаженные развалины...

Борясь с «опиумом для народа», большевики хотя бы как-то сохраняли сооружения, откуда этот «опиум» распространялся, и те оставались целыми. Феодосиевская церковь, где работал хлебозавод. Соборная мусульманская мечеть – новое пристанище партийного архива. Главный собор Перми – там до

На входе в старое кладбище стоит памятник поэту Д`Актилю. Не помните такого, не знаете? А ведь это он написал «Дан приказ: ему на запад, ей в другую сторону». И «Марш энтузиастов» («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!..») тоже написал Д`Актиль, умерший в Перми в эвакуации. Не всем удалось домой вернуться, как Каверину, Пановой, Улановой, Хачатуряну...

сих пор обитала художественная галерея. Милостью КПСС до постсоветских времен действовали в Перми две церкви – Святой Троицы (в обиходе – Слудская) и Всехсвятская, на старом кладбище. Во Всехсвятскую мы, пацаны, заглядывали с опасливым любопытством. Мы же были пионерами – а вдруг кто нас шуганет? А тут еще и покойников отпевают...

Но православным покойникам, если можно так сказать, везло. Их хоть в храме поминают. А вот с мусульманами было сложней. После закрытия в 1940 году Соборной мечети все собрания мусульман, а также отпевания и похороны проходили на «татарском кладбище». Лишь в 1990-м мусульманам вернули Соборную мечеть. Наши деды, да и отцы, в основном не дожили...

Рискуя утомить читателя «кладбищенской темой», не могу все же не остановиться на одном, ярком для меня, по крайней

Пушкина, 76. Сейчас здесь Краевой центр развития творчества детей и юношества «Муравейник».

Земское Кирилло-Мефодиевское училище 1912-1915 гг.

Дом пионеров в 50-70 годы.

мере, эпизоде. Где сейчас воинское кладбище, знают все. Ровные ряды гранитных столбиков, склонившая голову «Скорбящая», куда 9 Мая стекаются толпы народа. Под гранитными столбиками лежат воины, умершие в пермских госпиталях. Ко Дню Победы им приносят венки, цветы и прочее. И начали павшим воинам воздавать почести к 20-летию Победы, в 1965 году, не раньше.

Выйдя с кладбища, в сторону улицы Пушкина опять же возвращаешься по улице Николая Островского. Кстати, а почему именно этого Островского? Почему не классика, Александра Николаевича? Уж не он ли живописал нам типичных обитателей старой Перми – купцов, чиновников, мещан, обывателей? Так нет, присвоили улице Николая Островского автора, воспевшего Павку Корчагина – который, слава Богу, не был палачом типа Розалии Землячки. Ну да ладно. Как говорил герой одного популярного фильма: «Эта нога... которая надо нога».

А на улице Островского, только на нее свернешь, через сто метров – исторический дом. Деревянная такая избушка, но с мемориальной доской. Дословно надпись не помню, но смысл такой: «В этом доме скрывался от царских жандармов пламенный революционер Яков Михайлович Свердлов». Уж какие жандармы слепые были...

Но о Свердлове я должен рассказать былину, поведанную мне мамой. Значит, так. Когда-то в Перми всюду были печные заслонки и канализационные люки, на которых значилось имя производителя – «Юда Симановский». Это был хозяин такой фабрички, что находилась там, где нынешняя остановка трамвая «Ул. Хохрякова». Это даже некоторое время был один из цехов завода имени Дзержинского. И этот самый Юда отливал эти чугунные, но столь нужные народу изделия.

А однажды, году в 1905-м, как он сам рассказывал, забегает к нему в контору маленький, запыхавшийся еврейчик в пенсне и просит: «Дяденька, спрячьте меня, за мной жандармы гонятся!» И Симановский его спрятал. Жандармы заглянули – мимо! А потом – что вы думаете! – еврейчик оказался вторым в стране человеком после Ленина, председателем ВЦИК – Всероссийского центрального исполнительного комитета. Ну чем могла отблагодарить советская власть фабриканта Симановского? Ясно – не стала национализировать его собственность.

3 марта 1922 г. был открыт детский клуб «Муравейник». Он являлся своеобразной детской республикой, название и девиз, которой придумали сами ребята: «Мы — муравьи — трудиться любим, иди работать к нам скорей». Клуб размещался в здании, построенном в 1912 г. специально для Кирилло-Мефодиевского училища.

Наш уважаемый Юда во время общей большевистской обираловки важно ходил по городу в богатой шубе и бобровой шапке, назло экспроприаторам, и говорил при людях жене: «Бася, большевики нас освободили, они сняли с нас цепи... Бася, ты помнишь, какая у меня цепь была?»

Моим любимым писателем был и остается Аркадий Гайдар. Я и записки эти хотел начать в духе его «Школы»: «Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами»... Что-то завораживающее было в этом зачине, как у любимого моего поэта Виктора Болотова: «Я вышел к вечернему полю...»

Ямка

Но понятно, в духе Гайдара я не мог продолжать: «Городок наш...был тихий». Хоть и негромкой на фоне остальных крутых городов была Пермь, но и при наличии столиц, Нижнего Новгорода, Казани, Самары Пермь была городом негромким. Зато со своей историей, богатой и славной. Владимир Гладышев подарил мне список из издания «Справочная книга и Вся Пермь» за 1911 год. Там не десятки – сотни ресторанов, магазинов и постоялых дворов. То есть тех самых «ям», от которых и пошло название «Ямская». У нас на Пушкина и магазин назывался «Ямка».

Владимир Гладышев подарил мне список из издания «Справочная книга и Вся Пермь» за 1911 год. Там не десятки – сотни ресторанов, магазинов и постоялых дворов. То есть тех самых «ям», от которых и пошло название «Ямская». У нас на Пушкина и магазин назывался «Ямка».

Ах эта «Ямка», в квартале от моего дома. Сколько лет я ходил в нее за хлебом! И сколько часов я простоял там в очереди за дефицитом в то время – за яйцами, например. Яйца выдавали по 10 штук на человека, и мама брала меня с собой, чтобы выдали два десятка. Некоторые тётеньки нанимали мальчишек с улицы за сколько-то копеек, дабы за них могли получить лишний десяток яиц. Это тогда, когда через дорогу, в Клубе глухонемых, Людмила Гурченко пела в «Карнавальной ночи»: «Если вы, нахмурясь, выйдете из дома...»

Но зато детский билет на Гурченко стоил 10 копеек, которые еще надо заиметь. Когда я приходил к бабушке и просил: «Эби, дай на кино (на мороженое)», она могла и дать, а могла и отказать: «Вон, нарви сирень и заработай». А сирени у нас в саду было много. Через забор свисала. Кто тогда жил на Пушкина, может вспомнит. Ну, мы с сестрой наламывали эти замечательные ветки и несли в Разгуляй. Там тогда был рынок. Постоишь сколько-то времени – и вот тебе 30 копеек. А это и билет в кино, и мороженое. А за мороженым нужно бежать к клубу имени Дзержинского, что на углу Карла Маркса и Луначарского. Почему «бежать»? Да потому, что за пять кварталов до дома оно могло растаять.

Кстати, о домике Якова Свердлова на улице Островского. Рядом с ним стояла водоразборная колонка, на которую мы ходили с ведрами за водой. Вторая такая же была двумя кварталами выше, возле Тюремного сада (или сквера Декабристов, как это позже стали называть). И была такая проблема, когда в особенно сильные морозы они замерзали – атас!

А в не самые сильные морозы, когда снежок падает, жители частных домов (и я в том числе) выходили «огребаться» на той же Островского и Пушкина, то есть убирать снег с тротуаров, пока пешеходы его не утоптали и не превратили в лед. И попробуй «посачкуй»! Тогда от бабушки никаких копеек на кино-мороженое не жди.

Ссыльная

Но начиналась наша улица не с «крайней» городской Островского, а от тюремного замка. Пермь всегда была местом ссылок и тюрем. Через нас и Сперанский прошел, и Короленко, и Достоевский, и бунтовавшие польские шляхтичи, и многие другие.

Недаром улица Пушкина пересекается с Сибирской (бывшей Карла Маркса). По Сибирской каторжан гнали в ту самую Сибирь. Хотя некоторым позволяли оседать в Перми – тому же Сперанскому, Короленко, великому князю Михаилу, на его несчастье.

Амбулатория Пермской Александровской больницы, начало 20 века.

Мой друг Игорь Тернавский, будучи руководителем Пермского театра кукол и принимая участников фестиваля кукольных театров со всей страны, не скрывал, что раньше здание его театра было пересыльной тюрьмой. А ведя колонну гостей, просвещал: «Идем мы с вами по улице, за которой начинается Сибирский тракт. По которому я гоню вас в ту самую Сибирь...»

И еще на тюремно-ссыльную тему. Мне, когда я работал в газете «Досье 02», позвонила Татьяна Шерстневская, заведующая литературной частью театра кукол: «Искандер, помести заметку об авторе пьесы «Маленькая Баба-Яга». Он в плену у татар сидел».

Я, понятно, в шоке. А потом выяснилось, что это пленный немец и сидел он в Татарстане.

Рядом с тюрьмой находится крутой лог, на дне которого течет Егошиха. Этот лог был излюбленным местом катания на лыжах местных пацанов. Самые отчаянные из них прыгали с трамплина. Наш железный трамплин построили в 1950-х годах. Он считался (правда, нет?) третьим в стране, на нем тренировались члены сборной страны (этому я был свидетель). А опробовал его в начале сезона Витька Постников, тоже наш, с Пушкина. Худенький такой, ничем с виду не примечательный, а вот...

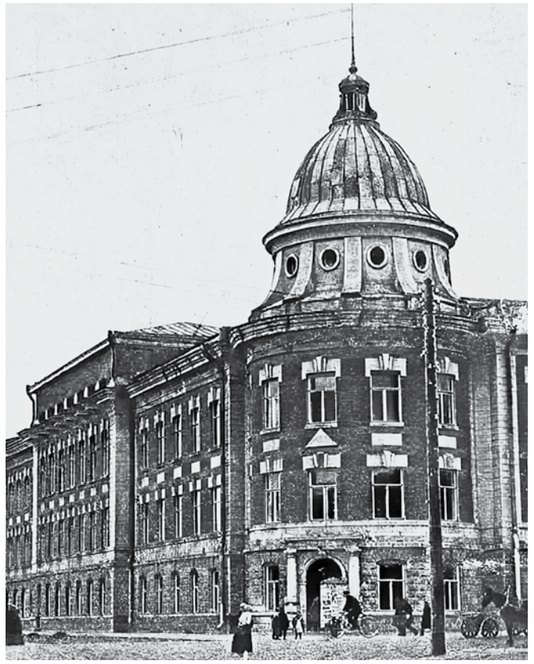
Егошиха, несмотря на ее малость, река тоже культовая – и для нас, пацанов, выросших на ее берегах, и вообще для пермяков. Редко кто не знает, что именно на месте ее в падания в Каму Татищев придумал поставить медеплавильный завод, от которого и Пермь пошла. Когда решили Пермь с Мотовилихой сблизить, тогда в Разгуляе мост соорудили, по которому пошел трамвай №1 до нынешнего сада имени Свердлова (тогда Молотова). И для нас туда добраться, вопреки запретам родителей, было целым приключением.

По улице Пушкина мы ходили в школу №11 имени Горького при МГПИ (Молотовском государственном педагогическом институте) – так она тогда именовалась. А перед тем как перейти через дорогу, улицу Карла Маркса, мы шли мимо дома, в котором жил, как я выяснил потом, Георгий Бурков. Мы знали его как актера нашего драмтеатра. Тогда же примерно там работал и Марк Захаров. А то, что Жора, как его панибратски звали пермяки-театралы, местный, я лично не знал.

Георгий Бурков: «В донкихотстве вижу смысл жизни человека. Самое прекрасное в человеке – стремление сделать что-то необыкновенное».

У меня хранится его книга из серии «Мой XX век» под названием «Хроника сердца». Он поступил учиться в нашу, 11-ю школу. А однажды (цитирую): «Потянуло вдруг в Пермь, на Родину... Двор дома №22 по улице Карла Маркса! Наш дом, флигель и еще один дом с детскими яслями...»

Бурков пишет: «Я считаю, что все наблюдения закладываются еще в детстве... Самые сильные впечатления – из детства, потому что ты живешь продолжительное время с одними и теми же людьми... Мне повезло, я прожил двадцать пять лет в Перми, и сейчас этот город разросся, а тогда все друг друга знали... Я повзрослел, а впечатления всё накапливались, накапливались. И если говорить честно, то все герои, которых я играю, все пришли из Перми. Ведь там Урал, Сибирь, там довольно стойкий тип характера. И все последующие наблюдения теперь нанизываются на те, устоявшиеся уже».



Пединститут, 1920-е годы.

А Пермь-то белым сдали практически без боя. По нашей Большой Ямской улепетывали разбитые красные, под руководством псевдополководца Степана Окулова (вот, кстати, чьего имени улица просит переименования). Мне мама рассказывала, что на время облюбовавшие наш дом красные, при приближении войск генерала Пепеляева, посылали нашу бабушку «в город», то есть в центр, на Сибирскую, – узнать, чья власть в Перми – «еще» или «уже»? И бабушка исправно докладывала: «По Перми I пушки еще стреляют, но «ваши» уже бегут».

Бабушка была той еще разведчицей. Заслышав в 1917-м, что в «городе» что-то происходит, домочадцы посылали ее узнать, какие там дела. Она приходила и сообщала: «Говорят, революция. На Сибирской и Покровской магазины грабят...»

Это первая часть очерка Искандера Садриева.
Окончание будет опубликовано в следующем номере.